18+

ДЕНИС ЛИПОВСКИЙ

ЛЮБОВЬ, АЛКОГОЛЬ И НАСИЛИЕ

Денис Липовский
Любовь, алкоголь и насилие

https://litres.ru/74927463
ISBN 9785007148771

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Эта книга пахнет дешевым алкоголем, кровью и безнадегой панелек окраины мегаполиса.

Клерки-неудачники, гопники с прутом арматуры, спитые маргиналы и неформалы. Холодная Москва, где каждый пытается почувствовать себя живым.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора 5
Последний день октября 7
Slow Mo 12
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Любовь, алкоголь и насилие

Денис Липовский

Корректор Таня Исакова

© Денис Липовский, 2026

ISBN 978-5-0071-4877-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Произведения, вошедшие в этот сборник, писались в совершенно разное время — с конца нулевых по двадцатый год этого века.

В итоге получилась небольшая антология историй о людях, кто пил, любил, спотыкался, падал, но упрямо продолжал двигаться дальше под саундтрек своей жизни. А выдуманные истории случайно переплелись с жизненными, кардинально переработанными под художественный формат.

Немало места уделено маргиналам и самым жестоким обитателям улиц. В частности, новелла «Контрацептив» после озвучки Олегом Булдаковым вызвала множество неоднозначных и разнополярных комментариев.

Тем не менее каждая история в этой книге — снимок времени, которое уже никогда не вернуть, но и забыть его невозможно.

Редактируя «Punks not dead», перечитывая «Снег», «Bad trip», «Последний день октября» (эти произведения я намеренно оставил в том виде, в котором они были написаны изначально), я до сих пор перемещаюсь в те времена, где вижу себя и своих друзей, идущих по тропам заснеженного парка. А когда листаю ленты соцсетей, в голове невольно всплывает голос Бледного, читающего строки:

Мои друзья остались только в моей голове,
А вот эти люди все как-то не знакомы мне.

Приятного путешествия по страницам этой книги, дорогие читатели, и помните, все совпадения случайны!

Последний день октября

Телефонный звонок вывел из тревожного похмельного сна. С трудом открыв глаза, я нехотя схватил телефон.

— Да…

— Джабу можно?! — спросил меня незнакомый мужской голос с сильно выраженным акцентом.

— Нет, — пробормотал я в ответ, нажал кнопку с изображением красной телефонной трубки и поднялся с кровати.

Наскоро принял душ, умылся. Вернулся в комнату, закурил и уставился в окно. С клена упал красно-желтый лист. Сделав несколько оборотов в воздухе, он будто на мгновенье задумался, замедлив скорость, и все же решил присоединиться к своим собратьям, укрывавшим плотным слоем черную мокрую землю.

Докурив сигарету, я снова лег в кровать и плотно, с головой, укутался в одеяло. Голова болела ужасно. Казалось, что внутри поселилась крохотная бригада ремонтников, намеревавшаяся устроить демонтаж некоторых слоев мозга, пропитанных этаноловым дурманом. Вновь зазвонил телефон.

— Да, — зло буркнул в трубку я.

— Слюшай, Джабу позови мне, а?! — все тот же голос.

— Нет… Его тут нет…

— А где он тогда? — удивленно спросил иностранный собеседник.

— Не знаю… Наверное, уехал на историческую родину, — я нажал на «отбой» и бросил телефон в кресло, оставив высокоинтеллектуального собеседника терзаться в глубоких сомнениях.

Я взял книгу — роман Брета Истона Эллиса «Ниже нуля». Прочитав несколько строк, сразу же отложил: закружилась голова, тошнота подступила к горлу, бросило в жар. Наскоро прыгнув в нулевые «найки» и накинув куртку, я выбежал на улицу. Жадно вдохнул холодный осенний воздух. Дружелюбно завиляв хвостом, ко мне подбежала невысокая рыжая дворняга. Я похлопал ее по загривку и пошел в сторону магазина. Приступ тошноты отступил, но общее состояние организма оставляло желать лучшего.

Купив три бутылки «Балтики №7» и пачку «Кента», я зашел в парк и сел на первую же лавочку. Осушив первую бутылку почти залпом, достал сигарету и закурил. Листья

продолжали неспешно падать. Лежать и ждать, когда через несколько недель их накроет пушистый ковер кристально-белого снега.

Размышления прервал телефонный звонок. Приготовившись покрыть матом утомившего собеседника, я достал из кармана куртки телефон. Снял трубку и услышал хорошо знакомый женский голос.

— Привет!

— Привет, Алиса! — ответил я, повеселев.

— Как ты? Чем занимаешься? На занятиях?

— Бывало и лучше. До занятий не дошел по состоянию здоровья. В парке сижу на лавке, пиво пью. Вернее, уже почти допил.

— Надрался вчера опять, что ли? — спросила девушка, рассмеявшись.

— Ага, — понуро ответил я.

— Не хочешь встретиться сегодня?

— Давай! С удовольствием! Хоть сейчас.

*

— Понимаешь, Макс, мне казалось, что он особенный! А он напился и при всех полез мне в трусы! — воскликнула Алиса.

Я невольно засмеялся, делая очередной глоток. Пивная пена вылезла из бутылки и стекла по стенке.

— Что ты смеешься? Этот урод прям там меня трахнуть хотел, — она никак не могла успокоиться.

— Ну… Я бы тоже хотел! — я улыбнулся.

Алиса шутливо ударила меня локтем в бок и картинно надула губки. Какое-то время мы провели в тишине, любуясь необычайной красоты лесополосой, утопающей в золотой мантии.

Серое небо покрыли свинцовые, готовые вот-вот извергнуться острой холодной водой облака, но вдруг на какой-то миг, на сотую долю секунды, солнцу удалось пробиться сквозь них и вновь спрятаться обратно.

— Видела?! — восторженно спросил я, переведя взгляд на Алису.

— Что?

— Да так… Неважно. Показалось, наверное.

Я открыл еще одну, не помню уже какую за сегодня бутылку пива. Сделал глоток и вновь посмотрел на небо, надеясь еще хоть раз увидеть мимолетный солнечный проблеск.

Slow Mo

Иногда нас незаметно заносит в края, где выбор перестает казаться простым, а последствия принятия ошибочного решения грозят катастрофой. Возникает угроза жизни — или психическому здоровью. А может, и не было никакой свободы выбора? Может, свобода — лишь видимость?

(с) Стивен Кинг

Юру Никонова я не видел несколько лет. Поэтому не сразу признал в худой долговязой фигуре бывшего друга. Бывшего не потому, что мы ссорились или резко прерывали общение. Нет. Просто в какой-то момент пути разошлись в совершенно разных направлениях и жизнь постепенно отдалила нас. Я женился на Кате, уехал с района, сдал квартиру и старался лишний раз не появляться здесь.

Слишком много было воспоминаний, слишком много всего пережито здесь. Слишком много… Чтобы всколыхнуть без того расшатанную психику. Да и семейные хлопоты закрутили бытовую круговерть.

Сначала мы стали видеться реже: то я не мог вырваться, то у Юры не получалось; потом — реже созваниваться, а потом

и вовсе исчезли из информационных полей друг друга. Сами знаете, как это бывает.

— Гвоздь, — окликнул меня до боли знакомый голос.

Терпеть не мог это прозвище, которое, к слову сказать, уже не слышал лет как восемь.

Я обернулся и замешкался всего лишь на какие-то доли секунды. Этого хватило, чтобы прочитать последующую эмоцию друга, сопровождаемую грустной ухмылкой, будто кричащей: «Да, таким вот я стал, а что поделать?»

— Привет, Юран! — сказал я, также использовав школьное прозвище, и протянул руку.

Будучи ребенком, он фанател от всего, что было связано с московским «Спартаком», и просто обожал сурового противоречивого футболиста с емкой хлесткой фамилией, созвучной с его именем. А когда увидел в передаче «Футбольный клуб» драку Сергея Юрана, выступавшего тогда за лондонский «Милуолл», с темнокожим футболистом соперника, — присвоил в своей голове игроку статус божества. Я его увлечений не разделял, считая Юрана посредственным тупорылым футболистом «бей-беги», впоследствии ставшим таким же тренером. Мне Андрей Тихонов всегда нравился — вот

где были изящность, грация, интеллигентность. Да и тренером он стал куда более интересным.

— Ты в спортзал что ли собрался? — шутливо спросил Юра, окинув взглядом мой не по погоде легкий спортивный прикид.

— Почти, — кивнул я. — В парк — побегать, выветрить из головы ненужные мысли — неудачный день был сегодня. И неделя. И месяц, — я помедлил, посмотрел Юре в глаза, потом невольно взглянул на пакет «Дикси» в его руках с просвечивающимися бутылками внутри. — Да чего уж там, кошмарным был весь прошедший год.

Не знаю, зачем начал говорить с бывшим корешем обо всем этом, терзавшем меня, выедающем изнутри. Возможно, это был немой крик отчаяния — попытка ухватиться за любую соломинку, лишь бы выплыть. Возможно, недостаток общения давал о себе знать. Последние месяцы я почти ни с кем не общался, кроме тупорылых офисных клерков, главным экспириенсем которых было обнюхаться паленого амфетамина под допотопный попсовый хаус в гоп-клубе и купить «Хендай Солярис» прошлого года, хвастаясь друг перед другом совокупным профитом скидки. Разговаривать мне с ними было в принципе не о чем. А может, я просто соскучился по старому другу. Такое же ведь бывает, правда?

Юра увидел, что я смотрел на пакет, и… Наверное, почувствовал неловкость.

— А я пивка решил выпить, — немного застенчиво, улыбнувшись, сказал он. — Знаешь ли, тоже по-своему помогает. Химия, конечно, бег от себя… Впрочем, я уже давно махнул на все рукой. Не буду вдаваться в подробности… Как понял, у тебя тоже проблем по горло. Ты снова вернулся на район?

— Ага, — бросил я. — Развелся. На этот раз с концами.

Юра понимающе кивнул. Я кивнул в ответ. Мы уже собрались разойтись и двигаться дальше — каждый по своим маленьким обывательским делам маленького человека: он — пить пиво в компании телевизора или «Ютуба» до того момента, как хмель вперемешку с этанолом не сморят в полукоматозный сон, я — бегать до тошноты и изнеможения, чтобы добиться того же. Последнее время меня жутко мучила бессонница. А бег хоть немного помогал забыться тревожным сном на несколько часов. Но никогда не больше пяти. Не помню, когда последний раз спал больше пяти часов. Коллеги, те самые обдолбанные счастливые обладатели корейских седанов В-класса, стали подшучивать над моей нездоровой худобой и не исчезающими тенями под глазами — на синяки это походило с натяжкой. Лишь Юля, девушка из отдела продаж, деликатно, с непритворным участием поинтересовалась, все ли со мной в порядке, и посоветовала обратиться

к специалисту. Я пожал плечами и поблагодарил за заботу. Совершенно искренне. Правда.

Я сделал несколько шагов в сторону парка, посчитав наш разговор завершенным, как Юра вновь окликнул меня, назвав на этот раз по имени.

— Володь?

Я оглянулся, вопросительно подняв брови.

— Будет свободная минута, заходи как-нибудь. В любое время, у меня его навалом, — он горько усмехнулся.

Не стал дожидаться моего ответа и зашагал в сторону многоэтажек, звеня бутылками. А я ускорил шаг, затем перешел на бег, увеличивая скорость с каждой минутой.

Как-то однажды, мучаясь в очередной раз бессонницей, я щелкал каналы своего «Самсунга» и наткнулся на одну из многочисленных передач о здоровье. Очень странно, что ее показывали ночью, обычно это прерогатива утренних эфиров. Хотя… для кого-то пять утра уже утро. Для меня — глубокая ночь.

Ведущий, пучеглазый курчавый еврей с округлившимся

животиком, спрашивал у мужчины в халате, приглашенного доктора, как лучше всего бороться со стрессами, тревогами и приступами паники. Врач поправил очки на переносице, многозначительно взглянул в камеру и кротко бросил: «Бегать и заниматься физическими нагрузками».

Я решил попробовать на следующий же день. Вышло не очень хорошо и коряво. Но цели я достиг — вымотал организм до предела и, как результат, смог провалиться ненадолго в сон. После этого пробежки стали ежевечерним ритуалом. А еще я выяснил, что даже от такой тупой штуки, как телевидение, можно извлечь пользу. И не раз еще мысленно поблагодарил доктора. Сам того не ведая, он помог мне своим советом сохранить непрочный баланс и пусть хрупкое, но ощущение нормальной реальности в голове.

Реальность… Можно долго дискутировать на тему ее иррациональности, индивидуальности и объективности. Оставлю эти размышления эзотерикам и писателям. Я же придерживаюсь классических канонов ее восприятия.

Когда я намотал около пятнадцати километров — трех кругов вокруг верхнего пруда, в голове щелкнул странный тумблер. Совершенно не понимаю, как такое произошло, но спустя полтора часа еще толком не обсохнувший, только после душа, переодевшийся и благоухающий новым ароматом

Givenchy Gentlemen, я стоял у двери Юрана, сжимая в руке литруху «Джеймисона», и настойчиво жал на кнопку звонка.

Нет, конечно, я помню, как по пути домой зашел в «Пятерочку», взял бутылку с полки в отделе алкогольной продукции — каждый мой шаг сопровождал гориллоподобный «смотрящий» этой занюханной помойки-магазина, — и пошел к кассам, встав в очередь за маргинальными подростками с пивом в руках. Помню, как впервые после долгого перерыва купил пачку сигарет и зажигалку, присвистнув от нынешних цен на табак. Помню, как расплатился с помощью Apple Pay, отрицательно помотал головой на предложение продавщицы приобрести пакет, как вышел из магазина и побрел в сторону дома. Только все это время меня не покидало ощущение, что телом и разумом руководит кто-то другой, — я же был в стороне, на подкорке сознания находясь в роли ведомого.

У зависимых людей такое бывает. На каждом собрании, которые я посещал много лет назад — за долгие годы их было немало, — спикерствовал такой вот чувак, чаще новичок, который вставал, стыдливо опустив бегающий взгляд в пол, и неизменно, как под копирку, начинал свой рассказ: «Не знаю, как так вышло. Ноги будто сами понесли меня в магазин / к барыге, за очередной бутылкой водки / дозой (нужное подчеркнуть)».

К моменту, когда я уже был готов развернуться и уйти, оставив бутылку виски на подоконнике между этажей, послышались сбивчивые шаги. Дверь распахнулась.

— Гвоздь? — с удивлением спросил Юра, растирая спросонья глаза.

***

— Где-то три года назад, — Юра разлил виски в бокалы, поставил бутылку на стол, закрутил крышку. — Я не очень слежу за временем. Перестал. Но оно ускорилось — факт. Как у Стивена Кинга в «Темной Башне». Помнишь ту фразу про то, что мир сдвинулся с места?

Я улыбнулся и кивнул. Он почесал подбородок, глядя куда-то в стенку, и продолжил:

— Да, в пятнадцатом году. Мне как раз только исполнилось тридцать. Подумать только. Особых иллюзий насчет жизни я уже не питал — тридцатка не тот возраст, когда юношеский максимализм лезет из всех щелей. Но даже еще три года назад я рассчитывал на куда более благополучный исход. У меня была нормальная работа, новенькая Mazda, жить было где, — Юра пожал плечами, — да и сейчас есть. Тачку, правда, я продал, но вот отсюда ни за что не съеду. Только

на кладбище, — он подмигнул мне, улыбнувшись уголком рта, и поднял стакан.

Этот невербальный мимический жест прошиб, словно током, вернув на добрые пятнадцать лет назад в беззаботную юность. В тот момент я понял, что действительно скучал по другу. Понял, что все эти годы мне очень не хватало его поддержки и вот этой, до боли знакомой улыбки.

Я взял бокал с виски со стола.

— Не люблю официоз и банальности, но не виделись мы очень давно. Не выпивали еще дольше. За встречу, что ли, — сказал я.

Мы чокнулись. Юра залпом влил свою порцию. Я же сперва выпил половину, не спешив проглатывать спиртное. К алкоголю я не притрагивался лет восемь, но совершенно не забыл его вкус. Я поднял вверх брови, как бы подтверждая — да, ничего не изменилось, — и допил остальное. Запивать не стал. Открыл пачку «Парламента», протянул Юре. Он кивнул и вытащил сигарету. Мы молча закурили. Клубы табачного дыма причудливо кружили по старенькой кухоньке, поднимаясь к потолку. Я подошел к окну и открыл форточку.

Юран по новой наполнил бокалы и продолжил рассказ.

— До сих пор не знаю, любил ли я ее по-настоящему… Да и вообще, что такое настоящая любовь? Не думаю, что когда-либо еще представится шанс получить ответ на этот вопрос. Но к черту лирику и ближе к делу. Ты же помнишь ее так?

Он сознательно избегал называть имя своей жены. Кристина — так зовут девушку, с которой мой бывший лучший друг прожил почти десять лет. Недавно я видел ее в метро. И, признаюсь честно, не сразу узнал. Последние фотографии в профиле Юрана с отдыха в Индонезии в 2014 году резко контрастировали с тем, что я увидел в феврале 2018-го. Кристина обрюзгла, осунулась и разжирела. Но дело даже не в этом. Взгляд — совершенно пустой, мутный — человека, страдающего сомнамбулизмом в тяжелой форме. Конечно же, она меня не узнала. Упоминать об этой встрече я не стал. Лишь кротко кивнул и отпил из стакана.

— Я… Я не то чтобы… — голос Юры задрожал, на глазах выступили красные паутинки сосудов. — Черт, даже не знаю, с чего начать, — он залпом выпил второй стакан. Выдохнул. Открутил крышку литровой «Колы». Плеснул напиток в опустевший стакан. Сделал едва заметный глоток и отставил воду в сторону. — В общем, она сделала аборт. Даже

ничего мне не сказав. Уведомила постфактум, сука. А когда я разрыдался на кухне, эта горгона огорошила меня аккурат перед субботним завтраком — безразлично пожала плечами и вымолвила: «А я думала, ты никогда и не хотел детей». Со мной хотя бы посоветоваться она, конечно же, нужным не посчитала. Что там, даже в известность не поставила. Да, образ жизни в тот момент я вел не самый образцовый: футбол, выезды, пьянки, концерты… Но это не повод…

— Не повод, — подтвердил я.

Юра потянулся к «Джеймисону», но вместо того чтобы ухватить бутылку, закрыл ладонями лицо и заплакал.

Я помолчал — всегда чувствовал себя неловко в такие моменты. Хочется помочь человеку, поддержать, сказать несколько ободряющих фраз. Одновременно с этим не покидает чувство — что ни скажи — выглядеть будет банально и шаблонно. Как в дешевом воскресном сериале по «Россия-2».

— Дружище, не кори себя, — все же вырвалось у меня. И я почувствовал себя куда хуже провинциальной актрисы, игравшей мать-одиночку с четырьмя детьми в упомянутом выше сериале, — она хоть типа «искусством» занималась.

— Все нормально, — сказал Юра. Он по-детски, кулаками

вытер слезы, взял салфетку и несколько раз ее сложил. — Извини, это всего лишь эмоции. Или алкоголь.

— Не извиняйся.

— А потом все как-то само собой вниз покатилось. Я забил на все: бухал с утра до ночи, тусовался со всякими отморозками дни и ночи напролет. Ей не изменял, да даже трахаться не хотелось, если честно. Логично, что мы отдалились друг от друга, как куски разбитой вазы. Можно собрать осколки и попытаться склеить вазу. Только все равно будут видны старые трещины, места сколов и следы клея. Через какое-то время она собрала вещи и уехала к матери. Я не возражал. Перед тем как навсегда уйти, она долго стояла в коридоре. Наверное, ждала, что я брошусь за ней, попрошу остаться, хотя бы что-то скажу на прощание. А я лишь открыл новую бутылку «Короны» и сделал вид, что внимательно смотрю интервью Валерия Карпина по «Матч ТВ». Наконец, дверь хлопнула, и я совру, если скажу, что не выдохнул с облегчением. Запив пуще прежнего, я и не думал останавливаться. Ну а потом эта дурацкая травма. Точнее, драка. Слышал же, наверное, да?

— Слышал, — не стал скрывать я.

Мне были довольно хорошо известны подробности той потасовки. Как-то я пересекался с Игорем Бизнесом и он в своей иронично-циничной манере поведал, как все было.

«Чувак, ты понимаешь, да? — Игорь Бизнес привычным движением глубоко затягивал чинарик „Честера“. — После того аборта Юран вообще с катушек полетел. Ходил по району туда-сюда, алкашню всякую поил. Естественно, с работы поперли. Сам ведь знаешь, чувак, как это с алкашкой бывает: пару раз проспал с бодуна — и все. Ему бы остановиться тогда, а он пуще прежнего заливать стал. И вполне закономерно в одном из баров словил литровой кружкой в голову. Такое иногда обходится без последствий, а вот Юрану не повезло — отек мозга, кома, трепанация — еле оклемался пацан», — Игорь Бизнес добил бычок до фильтра и щелчком отправил в сторону, проигнорировав стоявшую рядом урну.

Юран потряс пустой бутылкой из-под виски, швырнул ее в мусорное ведро. Встал. Подошел к окну, скрестив руки за спиной. В свете потолочной кухонной люстры длинный вертикальный шрам над ухом выглядел несколько пугающе. Будто прочитав мои мысли, он повернулся ко мне лицом и сказал:

— Ну что, пойдем, напоследок пивком шлифанем?

— Так уже два часа почти. Не продают же алкашку по ночам.

— Володь, — Юра улыбнулся. — Это же район. Забыл? Тут ничего не меняется.

***

Мы вышли на улицу. За несколько часов температура понизилась на несколько градусов — обычное колебание для середины марта, но грязный снег, холод и отсутствие солнечных проблесков сносили голову напрочь. Я ждал настоящей весны. Наверное, мы оба ждали.

Я достал пачку «Парламента». Юран жестом попросил сигарету. Мы закурили и не спеша, в точности как во времена неспокойной молодости, вышли в ночь.

— Он стал приходить ко мне, — неуверенно начал Юра, — последние несколько месяцев.

— Кто? — удивленно спросил я. И интуитивно почему-то догадался, кого мой дружище имел в виду.

— Утюг.

— Но… — я попытался выдавить хоть что-то.

— Да, знаю — он умер. Мы оба это знаем, — уголек Юриной сигареты дрожал в такт пальцам. — Еще я знаю, что ты сейчас думаешь о том, что я окончательно двинулся чердаком — от той травмы или от водки, — но это не так уж важно, веришь ты или нет.

— И где ты его видел? — спросил я, не став углубляться в саму возможность сказанного. Конечно же, я не поверил.

— Один раз в парке, неподалеку от Щучьего пруда, другой раз в «Пятерочке», но чаще я вижу его дома: изуродованное

ожогами лицо, лохмотья обгорелой одежды прилипли к тому, что осталось от тела… Он ничего не говорит. Просто стоит и внимательно разглядывает меня. И запах… Этот ужасный запах. Знаешь, такой бывает от залитых водой горелых тряпок. Последний раз он приходил сегодня, после нашей встречи. Я сидел за компом, поглощенный просмотром «вДудя» с Шевчуком — вечно смотрю эти выпуски с опозданиями, — и внезапно почуял запах гари, поначалу едва заметный. Обернулся и увидел Утюга — еще более уродливого, чем обычно: плечи и волосы горели сине-зелеными огоньками, такими же, как в доживающей зажигалке, остатки обгорелого лица растянулись в подобие ухмылки. Плавно, будто в замедленной съемке, он двинулся мне навстречу. А потом я отключился и очнулся, когда пришел ты. Утюга не было.

Я кивнул, окончательно уверившись в том, что Юран либо словил алкогольный делирий, либо взаправду поехал кукухой. Но почему он вспомнил этот случай? Даже я, человек, имеющий гораздо более обостренное чувство вины, склонный к разного рода рефлексиям и самокопаниям, практически не вспоминал о том, что случилось пятнадцать лет назад.

***

Позавчера утром на парковке я соскабливал лед с лобового стекла своей колымаги, дожидаясь, пока обороты двигателя упадут до нужной отметки, и невольно стал свидете-

лем того, как пара студентиков крутилась вокруг каршеринговой тачки. Доходяги застенчиво заглядывали в салон машины, расписанной по кругу идиотским пошлым лозунгом: «Три рубля — и я твоя», — и воровато оглядывались по сторонам. Вид у них был такой, что со стороны это было похоже не на легальную аренду поюзанного бюджетника, а на угон без малого Bently Continental, — ребятам только не хватало двух черных вязаных шапочек и «Макбука» с хакерским программным обеспечением угонщиков вместо смартфона.

Я снисходительно улыбнулся, глядя на их потуги, вспомнив «каршеринг» нашей юности. Смартфонов тогда еще не было — сотовый телефон, помимо своих основных функций, мог лишь проигрывать музыку и выполнять функции примитивной игровой консоли, а для разблокировки автомобилей мы использовали куда более допотопные, но гораздо более надежные инструменты: отвертки, отмычки и линейки.

Мало кто занимался этим всерьез — чаще по пьяни. Вскрывали то, что попроще, в основном шедевры конструкторов отечественного автопрома — катались, пока не надоест, потом бросали машину. Иногда хозяевам везло и они находили свои «Жиги» в паре кварталов от дома. Иногда везло не очень — однажды Игорь Бизнес участвовал в увлекательнейшей погоне от сразу нескольких экипажей ДПС, не

справился с управлением на одном из поворотов и на полном ходу влетел в фонарный столб. Удивительно, что он не то чтобы не пострадал, а успел выбраться наружу из искореженного «Москвича» и скрыться в черных глубинах ночных дворов, прежде чем бравые представители органов правопорядка успели его настигнуть.

Но даже такой тертый калач, как Игорь Бизнес, был полнейшим дилетантом в сравнении с Утюгом — тот был угонщиком от Бога, если вообще уместно говорить о краже автомобилей в таком контексте.

Свою первую тачку он вскрыл в пятнадцать лет. Заехал на ней в парк и не придумал ничего лучше, как попробовать обогнуть Верхний Кузьминский пруд. Где-то на середине пути машина попала в занос и навсегда упокоилась в неглубоком водоеме. Утюг тогда чудом остался жив, отделавшись парой незначительных царапин и легким испугом.

Необычайный восторг, адреналин и ощущение безнаказанности, одновременно нахлынувшие на юного парня, пересилили разум и чувство страха. Словно наркоману, ему вновь хотелось наслаждаться этим эмоциональным коктейлем.

К двадцати годам Утюг стал профессиональным угонщи-

ком и заимел в своем активе судимость, правда, всего лишь условную. Он был настолько уверен в своей безнаказанности, что подкатил к зданию суда на новехонькой Volvo S 60, вскрытой час назад исключительно лишь для этой цели. На районе поговаривали, что у него были завязки с бандитами, имевшими в органах своих людей, но не менее популярным было и мнение, что парень просто был наглухо отморожен на всю голову. Лично я больше склоняюсь к второму варианту.

Очень многое в нашей жизни зависит от мелочей, случайностей — с этого я и начал свой рассказ. Эти мысли не дают мне покоя всегда, когда я вспоминаю конец зимы 2003 года. Обычный, ничем не примечательный выходной. Развлечений в те годы у нас, парней с окраин спальных районов, было не очень много. Денег — еще меньше. Почти ежевечерне мы бесцельно шатались по району, заправляясь дешевым алкоголем всех сортов, — так себе досуг, да?

В ту субботу я, Юран и Леха Прорубь, изрядно поддатые и расстроенные тем, что вся наличность потрачена, а Миша Палаточник отказался выдать в долг двухлитровую баклаху «Очаково», мотивировав это превышением кредитного лимита, расходились по домам. Я и Леха протянули друг другу руки для прощального рукопожатия, как Юра вдруг полез по сугробам, ловко перепрыгнув металлический заборчик, окружавший кирпичную пятиэтажку.

— Пятихан! — заорал он, торжественно подняв над головой заснеженную купюру. — Наверное, из окна у кого-то выпал. Ну что, отметим?

Обрадованные нежданным подарком, в буквальном смысле упавшим с неба, мы сразу пошли в «Седьмой континент» и обменяли мокрую бумажку на бутылку коньяка, колу и шоколадку. Спустя годы все это кажется наивным и глупым, но в восемнадцать лет такие штуки могли радовать. Сейчас я могу позволить себе купить то, о чем в те годы не мог и мечтать, да только покупки эти не доставляют и сотой доли удовольствия, испытанного в те минуты. Иногда я безумно скучаю по тем временам, но возвращаться бы в них не хотел. И есть ли смысл думать об этом? К сожалению или к счастью, нам в этом мире предоставляется лишь один шанс, дается единственный выбор — как прожить каждое мгновение — другого не будет. И рассуждать обо всем этом в сослагательном наклонении — уже само по себе занятие неблагодарное.

Бутылка закончилась быстро. Мы распили ее прямо у подъезда. Раньше с этим было как-то проще — все так делали. А многие делают и сейчас, но я себе такого уже не позволяю.

— Домой дубль два? — пошутил Леха Прорубь.

— Подожди, давай покурим и домой, — ответил Юран и достал пачку. — Блин, всего две сигареты осталось.

— Да ладно, — махнул Леха рукой. — Покурите с Володькой. А я побежал. Уже ног не чую.

Мы попрощались. Прорубь исчез за дверью подъезда. Юран протянул «Золотую Яву». Я достал последнюю сигарету, смял пачку, кинул ее в урну и закурил от паленой Zippo — ужасная зажигалка, которая вечно оставляла в карманах специфический запах бензина, до сих пор валяется где-то в квартире.

Откуда-то слева послышался рев двигателя. Я обернулся на звук.

Яркий луч белых фар разрезал уютную, едва подсвеченную фонарями темноту двора. Машина — серебристый Lexus RX — пронеслась мимо нас и резко затормозила.

Огни заднего хода мигнули, и автомобиль, набирая скорость, стал сдавать обратно. Поравнявшись с нами, он остановился — так же резко, как и в первый раз. Водительская дверь распахнулась, и оттуда выпрыгнул поддатый Утюг. В руке он держал бутылку крепкого пива «Доктор Дизель».

— Здорово, парни! Как житуха?

— Неплохо, — ответил Юран и кивнул в сторону сиявшего паркетника. — У тебя, видимо, тоже.

Я добавил:

— Я было подумал, за нами карательный отряд прислали. И, глядя на твои маневры, принялся лихорадочно вспоминать, кому мы могли причинить столько неприятностей, что аж на «Лексусе» выехали.

— Как в «Жмурках», да? — засмеялся Утюг и процитировал Корона — героя Сергея Маковецкого: — «У меня такое чувство, что мы сегодня обгадили серьезных людей».

— Что-то типа того, — кивнул я.

— Не берите в голову, парни. Взял покататься, не более. Я, кстати, дело тут одно недавно обстряпал, только лавеху получил. Хочу вот отпраздновать, а не с кем. Компанию не составите? Само собой, я угощаю.

Юран посмотрел на меня.

— Конечно, — ответил я Утюгу за нас обоих и потянулся к ручке пассажирской двери.

«Лексус» оголтело мчался по Волгоградскому проспекту. Я начинал уже жалеть, что подписался на это безумие. Чувство сожаления становилось особенно чутким при резком

вхождении в повороты.

Великий крестовый поход по барам начался с «Якитории», продолжился в «Ньокки», потом японская кухня Утюгу надоела, и мы заехали вкусить пенного напитка в «Дядюшкин дворик», что на улице Юных Ленинцев. Там мы выпили по кружке пива, атмосфера заведения показалось скучной — и переместились в «Штаб», что напротив. Утюг пьяно и долго — нефильтрованная «Балтика» в «Дворике» совсем сморила бедолагу — уговаривал нас рвануть в «Жажду», чтобы, как он выразился, «цеплять телок», но нам удалось уговорить его не делать этого.

В «Штабе» до состояния свиньи упились уже все. Здесь было куда «веселее», чем в тихом «Дядюшкином дворике». Не успел я отпить и половины бокала, как увидел неопрятного плешивого недоноска, шмонавшего кожаный куртец Утюга, оставленный на диванчике. Сам владелец элемента верхней одежды отплясывал на импровизированном танцполе под «Руки вверх», пытаясь соблазнить грудастую сорокалетнюю тетку с идиотской химией на волосах.

Кто-то надрывно вскрикнул. Все посетители бара обернулись на крик. В углу заведения, ближе к туалетным комнатам, корчился парнишка. Лицо искажалось жуткой гримасой, на белой футболке проступала кровь. Он пытался за-

жать рану пальцами, но едва ли это могло помочь.

Напротив него стоял бородатый борцуха. Он так и не выпустил из рук охотничий окровавленный тесак. К ним уже бежала охрана.

Кто-то крикнул: «Вызовите „скорую“!»

К столику подошли Юран и Утюг. Последний стал серьезен, как никогда. Он стоя залпом допил пиво и посмотрел на нас:

— Валим! И по-тихому. Сейчас мусора со всей округи слетятся. С моей условкой и чужой тачкой — лучшее, что может произойти… Блин, да я думать даже об этом не хочу. Валим, пока охрана не перекрыла вход.

На ходу натягивая куртки, мы пролетели мимо пустовавшей стойки охраны и выпрыгнули вниз по ступенькам в открытую дверь. Морозный воздух обжигал легкие, а пиво неприятно бултыхалось в желудке. Утюг побежал в сторону «Лексуса».

— Может, ну его к черту, — крикнул в его сторону запыхавшийся Юран, — пешком дойдем дворами?

Но тот уже сидел за рулем автомобиля и пытался сфокусировать нетрезвый взгляд на разноцветных проводах под торпедой. Двигатель завелся. Утюг в недоумении посмотрел на нас и кивком головы пригласил внутрь салона.

Я посмотрел на Юру.

— Лучше бы пешком, конечно… — вновь сказал он.

— Доедем до района, и все. Хорош на сегодня. Дело пяти минут.

«Лексус» вылетел на улицу Юных Ленинцев. Утюг вел машину еще неряшливее, чем раньше. Я снова пожалел, что не послушал Юру. Есть у меня такая дурацкая особенность: если судьба отвела от прыжка в дерьмо в первый раз, то я обязательно попробую повторить еще, и уже тогда получаю порцию метафорических фекалий в двойном, тройном, а иногда и в четвертном объеме. Впрочем, наверное, я не один такой. Поговорку про грабли придумали задолго до моего рождения, ведь правда?

Каждый любитель ставок на спорт во время игры сталкивался с проявлением факторов, разрушающих абсолютно любые представления о логике и здравом смысле, — каждый нормальный человек испытывал это на практике, в жизни. Зачастую даже не всегда осознавая это.

Часы на приборной панели «Лексуса» показывали 4:59 — я успел бросить взгляд на монохромный дисплей, прежде чем Утюг не сумел войти в поворот и на полном ходу влетел в светофор. До дома оставалось немногим больше трех-четырех сотен метров.

Удар всей частью пришелся на сторону водителя. Из-под капота повалил густой дым.

Я тряхнул головой и осмотрелся — ничего страшного, лишь несколько ушибов.

— Юран, ты цел?

— Я-то да, — ответил он с заднего сиденья. — А вот…

Я повернулся влево. Подушка безопасности не сработала. Руль буквально сплющил лицо Утюга, превратив в рваное кровавое пятно. Белки глаз казались неестественными на этом жутком фоне.

Он попытался что-то сказать. С разбитых губ слетел невнятный шепот. Изо рта вытекла струйка крови.

— Утюг! — позвал я и дотронулся до его плеча.

— Но-о-оги-и-и…

Я опустил взгляд и испытал ледяной ужас. Панель «Лексуса» врезалась ему в голени. Кость под левым коленом торчала наружу. На светлых голубых джинсах выступили багровые пятна. Не знаю, сколько минут я пробыл в прострации. Пришел в себя, только когда Юран открыл мою дверь и за шкирку вытянул из салона.

Морозный воздух немного привел в чувство. Шатаясь от шока и алкоголя, я делал глубокие вдохи, стараясь не закричать. Вокруг не было ни души.

— Гвоздь, помоги мне! — закричал Юра.

Он пытался открыть водительскую дверь, но от удара ее наглухо заклинило. Дыма стало куда больше. Мне показалось, что из-под днища мелькнули оранжевые огоньки.

Я подбежал к Юре и несколько раз с силой дернул за ручку. Бесполезно.

— Давай попробуем с другой стороны!

Юран влез в салон, взял полубессознательного Утюга за плечи и попробовал вытянуть наружу — это было так же безнадежно, как пытаться открыть заклинивший замок — слишком сильно зажало ноги.

Едкий запах дыма забивал легкие, заполнив всю машину и окружающее пространство черными вонючими клубами. Огни уже не мелькали, росли в геометрической прогрессии и облизывали машину со всех сторон.

— Юра, валим! — я оттащил товарища в сторону.

Пламя уже окутало большую часть автомобиля.

Юран, будто под гипнозом, завороженно смотрел на красные огни.

— Ва-лим! — вновь закричал я, срывая голос.

Мы медленно попятились от машины. Напоследок я бросил взгляд на горящий автомобиль. Мне показалось, что Утюг повернул голову в нашу сторону и широко улыбнулся. Я развернулся и побежал.

***

— Пришли, — сказал Юран, рукой указывая рукой на вывеску «Цветы».

Погруженный в воспоминания, я не сразу вернулся в реальность, втыкая в вывеску пустым взглядом.

— Точка круглосуточная, — уточнил мой товарищ. — Тут бухло продают. У тебя налик есть?

Порывшись по карманам, я достал несколько мятых купюр:

— Ага. На пару пузырей хватит.

— Отлично! Пивка еще зацепи, пожалуйста. Я тебя тут подожду. А то я им косарь должен.

Я потянул дверь на себя и спустился по крутой лестнице. В нос шибанул неприятный микс тошнотворных запахов застарелого пота, мочи и дерьма. У прилавка стоял бородатый бомж. Грязные синие треники висели на нем, как на пугале, а пальто смотрелось так неестественно, что казалось, он вот-вот свалится плашмя под его весом.

— Танюш, — канючил он, — ну дай шкалик до завтра! Подыхаю, ей-богу!

— Нет, Макар, — отрезала грудастая продавщица в синем чепчике, — вали отсюда к чертовой матери! Всех клиентов мне тут распугаешь.

«Да уж, действительно, „Цветы“», — подумал я.

Более абсурдного названия для этой торговой точки придумать было сложно. Но небольшой прилавок с цветами на самом деле имел место быть.

Помимо меня и бомжа в углу магазина стояли несколько неприятных подростков в паленой спортивной одежде. Они терпеливо считали груду мелочи и изучали ассортимент.

— Ну, Тань! — надрывно взмолился бомж. — Будь человеком! Я же подохну!

— Не подохнешь! — женщина замахала руками. — Все, вали отсюда! Что вам, ребята? — она обратилась к подросткам.

Они напоминали леприконов из дурацкого пародийного мультфильма: оттопыренные острые уши, злые темные глаза, вместо колпаков — поднятые на затылок шапки-пидорки.

Один из них подошел к кассе и высыпал мелочь на прилавок.

— Две бутылки портвейна, — словно змея, прошипел он.

Женщина принялась считать монеты. Это заняло у нее несколько минут.

— Десяти рублей не хватает, — вынесла она вердикт, ссыпая мелочь обратно.

— Тогда одну бутылку портвейна и пачку «Явы», — скривился парень.

Грудастая продавщица не глядя сгребла мелочь и бросила в кассу. Отвернулась и пошла в подсобку.

— Старая сука, — произнес гопник сквозь зубы.

— Что ты там сказал?! — женщина грохнула бутылку на прилавок. Достала сверху пачку сигарет и швырнула туда же.

— Ничего, — он расплылся в хищной улыбке, обнажив челюсти.

Большая часть передних зубов отсутствовала. А то немногое, что было, больше напоминало ногти, пораженные грибком, нежели человеческие резцы.

Гоноватый подросток одной рукой взял бутылку «трех топоров» и пачку сигарет. Кивнул собутыльникам и направился к выходу. Те выглядели немного поприличнее — хотя бы не сверкали подгнившими челюстями.

Я подошел к витрине — стандартный алкогольный ассортимент с завышенной ночной наценкой.

— Литр «Джеймисона», пожалуйста, и пять банок «Золотой бочки».

— Бочку зеленую, синюю? — равнодушно спросила дама в чепчике.

— Зеленую, — я помедлил. Затем оглянулся на стоящего в углу Макара. Вид его был жалок. Все тело трясло. Грязное бледное лицо было покрыто каплями холодного пота — я знал, что он был холодным. — И бутылку водки, пожалуйста.

— Какой?

— Любой.

— «Кедровая» пойдет?

— Вполне.

Я положил пиво и виски в черный пакет. Протянул бутылку водки Макару.

— Держи!

— Спасибо, сынок! — бомж двумя руками взял бутылку. — Крышку не открутишь, а? Не могу…

С досадой, что придется мыть руки, я взял бутылку. Открутил крышку, откинул в сторону — едва ли она понадобится — и вновь вручил Макару.

Окинул его взглядом. Сколько ему лет? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят?

Глаза мужчины наполнились слезами. Из слюны, скопившейся в уголке растрескавшихся губ, надулся пузырь.

— Спасибо! — еще раз искренне повторил он.
— Пожалуйста.

Я развернулся и пошел вверх по лестнице. Поднимаясь, я слышал, как Макар жадными глотками вливает в себя горькую.

— Дядь, ты тупой, что ли? — тот же противный змеиный голос.

Я сразу опознал его, как вышел на улицу и завертел головой по сторонам. Пошел на звук. Юран, окруженный гопниками, стоял за углом, метрах в двадцати от «цветочного» магазина.

— Ребят, говорю вам, у меня ничего нет… Телефон только старый. Его и не купит никто.
— Хы, — гнилозубый оскалился, отхлебнул портвейна и обернулся к своим друзьям. — Я ему говорю, кирпич купи, а он мне про телефон!

Подростки дебиловато захихикали. Один из них в самом деле держал в руке половину кирпича. Они вошли в кураж.

Не замечая ничего вокруг, мыслями они уже представляли, как оглушат Юрана по голове и запинают ногами.

Мне были знакомы такие психотипы — подобное поведение для них сродни рыбалке: важна не добыча, а сам процесс.

«Второго такого удара он не перенесет», — отчего-то пронеслось в мыслях.

А еще я подумал о том, как хорошо, что Игорь Бизнес подогнал мне левую «Осу» со стертыми номерами.

«Чувак, возьми, — он открыл тумбочку, где лежало несколько ножей, пистолетов и муляж гранаты, — мне очень хочется верить, что это был муляж, — и протянул травматический пистолет. — Подарок. Сорян, что так долго не отдавал бабки. Ты меня знаешь, чувак, я не кидала. Жить просто тяжелее как-то стало. Душат, падлы, со всех сторон. Это — небольшая компенсация».

Поначалу я попытался отказаться.

«Спасибо, конечно, Игорек. Но зачем он мне?»

«Возьми. Дома в сортире спрячешь, как настоящий гангста. Мы живем в бандитской стране, чувак! — он положил пистолет на стол и закурил туго забитый косяк. Выпустил

густой дым в воздух и протянул мне. — Будешь?»

А еще я подумал о том, как же хорошо, что перед походом к Юрану я положил «Осу» в карман куртки — в первый раз за все время. Я, может, и не совсем здоров психически с медицинской точки зрения, но не настолько, чтобы ежедневно разгуливать с нелегальным оружием Игоря Бизнеса, заложенным за дозу каким-то наркоманом.

Я достал травматический пистолет и включил лазерный прицел, чувствуя себя героем малобюджетного боевика. Навел луч на запястье парня, державшего кирпич, — после полулитра виски это было не так уж просто, — и нажал на спусковой крючок.

Маленький гаденыш взвизгнул. Кирпич выпал. Он схватился свободной рукой за запястье и принялся пританцовывать на месте, источая в мой адрес матерные проклятия.

Все четверо, включая Юрана, с удивлением таращились в мою сторону.

Без каких-либо терзаний и сомнений я навел маленькую красную точку под колено Гнилому и выстрелил вновь. Парень свалился на землю. Кричал он куда громче своего товарища. Третьему отморозку хватило ума воспользоваться

заминкой и побежать сломя голову в темные дворы — стрелять ему в спину я не стал.

— Сука! — кричал подкошенный гопник, елозя по слякоти. — Я же найду тебя… Я… Ты знаешь, кто мой батя? — лицо его сделалось багровым и пошло черными пятнами, то пропадающими, то выступающими вновь.

Однажды, когда мне было шесть лет, я видел что-то похожее в церкви. Мальчика, примерно моего ровесника, кунали в чан со святой водой. Вроде бы это был обряд крещения. Маленький говнюк уперся в чашу обеими руками и начал с нечеловеческой силой брыкаться, царапаться, кусаться — делать все, чтобы его лицо не коснулось жидкости. Глаза ребенка вылезали из орбит, волосы растрепались и встали дыбом, на багровом лице выступали черные нечеловеческие пятна.

Священник перекрестился, прошептал какую-то молитву и всем весом навалился на мальчика. Шея дрогнула. Голова утонула в святой воде. Пацан яростно сучил ногами. А когда все кончилось, вынырнул из чана и в забытье оглянулся по сторонам. Это было совсем другое лицо — лицо обычного дошкольника, силящегося понять, что же с ним произошло.

Меня нельзя назвать верующим человеком, но тот эпизод

прошился в памяти на всю жизнь. Поэтому, увидев черные пятна снова, я ничуть не удивился. Было в гнилозубом что-то животное. Не зря еще в магазине я подметил в нем что-то змеиное.

— Я тебя… Я тебя, сука, говно заставлю жрать! — он поднялся на четвереньки и пополз в мою сторону, подволакивая больную ногу. — Я тебя… Сука…

Рука Юрана легла мне на плечо.

— Пойдем отсюда скорее, дружище! Хватит с них.

Я обернулся, посмотрел ему в глаза. В них отражалась огромная тоска и желание поскорее убраться отсюда.

— Пойдем, — кивнул я и взял пакет.

Быстрым шагом, не оборачиваясь, мы пересекли освещенную часть улицы и растворились в родных дворах.

На работу я попал только во второй половине дня. Болезненный, со шлейфом перегара, еще более похожий на ходячий труп, нежели обычно, я молча прошел на свое рабочее место и включил компьютер. Коллеги пренебрежительно отводили взгляды. Я ждал каких-то санкций от начальства, но

никто ничего не сказал. Возможно, все так были заняты своей корпоративной туфтой, что просто не заметили моего отсутствия, а может, сделали вид, что не заметили… Какая, собственно, разница?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.